

*Посвящается экс-чемпиону мира
по шахматам В.В.Смыслову*

ПАРИЖСКАЯ ДУЭЛЬ

(МЕСТЬ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ)

новелла

*Чтоб прыгнуть выше головы,
Не обойтись без головы.*

Оглавление

1. Париж! Париж! Мечта моя!	3
2. Подмостный туризм	4
3. Тень императора	5
4. Пассажиры “Победы”	6
5. Паспорта	7
6. Легендарный Сирано.....	9
7. Угрозы.....	11
8. Необыкновенная дуэль	12
9. Первый выстрел	13
10. Выстрел второй и последний	14

1. Париж! Париж! Мечта моя!

*Он мог бы быть столицей мира,
Где правит красота и лира.*

— Мсье! Не заключайте это пари с разбойником от шахмат, — обратился ко мне по-русски, очевидно, один из завсегдатаев кафе на парижском бульваре. У меня плохая зрительная память, но что-то знакомое показалось мне в облике этого седого джентльмена в очках. — Несколько лет назад вместе с вашим другом Виталием Гальберштадтом вы перешли отсюда в другое кафе, где речь шла о вашем романе “Иль де фе”, печатавшемся в “Юманите”.

— Вы переводили для них мой “Пылающий остров”! — вспомнил я. — И так молоды были тогда!

— Но за пролетевшие десятилетия нравы в этом кафе не изменились. Поберегитесь. Вы не знаете Парижа.

Я усмехнулся. Я действительно не знал современный Париж.

До этого я побывал в Париже три раза. В пути на Нью-Йоркскую Всемирную выставку “Мир завтра”, где я был главным инженером Советского павильона. Предстояло пересечь Атлантический океан на самом большом в ту пору лайнере “Куин Мэри”, который вскоре встал на рейде в Нью-Йоркском порту, отдав свои роскошные салоны и каюты раненым с фронтов начавшейся Второй мировой войны 1939-го года.

Но тогда, в короткие часы между поездами, впопыхах обегая Париж, никто из нас, работников Советского павильона, об этой войне не помышлял. Париж ошеломил нас и Эйфелевой башней, и Собором Парижской Богоматери, площадями и улицами, где каждый камень старой мостовой говорил об Истории, о совсем других войнах, о могущественных кардиналах Ришелье и Мазарини. Оживала революция, с ее гильотинами и разгулом публичных казней. На эшафоте короля сменяла королева, вельмож - знатные аристократы, а потом и сами “слуги народа”. Головы одинаково скатывались в плетеные корзины, перекочевывавшие из садов под скошенный падающий нож.

Но город дворцов, храмов, мостов, украшавших Сену, оказавшуюся менее широкой, чем наша Москва-река, Париж пленил нас, и я мечтал на обратном пути узнать его глубже.

Возвращаясь из Америки, я получил разрешение провести свой двухнедельный отпуск в Париже. Это была удача из удач!

2. Подмостный туризм

*В отеле жить без средств нельзя,
Вот мост - защита от дождя.*

На этот раз мы с главным советским художником Нью-Йорской Выставки отдали дань и парижским музеям, вернисажам и театрам, и особенно уличной жизни города. Лишь ради этого, экономя мизерные наши франки, отказались мы от двуспальной кровати со свежим хрустящим бельем в отеле. И подружились с постоянными подмостными обитателями Парижа, деля жесткое каменное ложе с бродягами, начинающими художниками и с лицами неопределенных занятий. Мост, спасая от дождя, сближал всех.

И утром, умывшись в Сене и тщательно почистив костюмы и доведя до блеска обувь, позавтракав на весь день, мы отправлялись в поход.

Кстати сказать, уже после войны, сидя в ресторане нашего писательского клуба, со всемирно известным радиоастрономом Иосифом Самойловичем Шкловским, в ту пору моим сторонником обитаемости иных миров, я услышал, что он, профессор, член-корреспондент Академии Наук СССР, член Королевского общества Великобритании, английский академик, как иностранец, не платя ежегодный взнос в 15 фунтов стерлингов за полагающиеся ему книги, три дня после научной конференции изучал Париж из-под знакомого нам "непромокаемого" моста, только завтракая на весь день.

Особенно поразил нас тогда музей в Лувре с Венерой Милосской. Единственная в отведенном ей зале со стенами черного бархата, мраморная, тронутая тысячелетиями, статуя потрясала...

Острое ощущение получили мы, поднимаясь по наклонному пути в открытой клетке до самой верхней площадки Эйфелевой башни. Прямо под ногами разверзалась зовущая к себе пропасть. На ее уходящем дне ширился простор огромного города, открываясь как бы медленно всплывающим воздухоплавателям.

Казалось, мы, побывав на крыше сто второго этажа “Импайэр-стейт-билдинг”, были застрахованы здесь от сильных впечатлений, но скоростной подъем в закрытом лифте, пусть с усилением тяжести, не идет в сравнение с открывающейся жуткой пропастью под тобой...

Закончилось наше “парижское обозрение” 14-го июля, в день столетия Великой Французской революции, когда Бастилию взял и якобы разрушил в ярости народ.

Сделано это было много позже рабочими по решению Конвента, пока лишь ограничившего власть еще не свергнутого совсем монарха.

3. Тень императора

*Идет вперед за рядом ряд
Строй обреченных пасть солдат.*

Этот день торжественно отмечался парадом красочных французских войск. Не подозревая близких поражений, они продефилировали по Елисейским полям вниз от Триумфальных ворот к Площади Согласия внушительным строем пехоты, блестящей кавалерией с танцующими под музыку конями и невзрачной грохочущей танковой колонной, наконец, длиннотвольным “богом войны” - артиллерией.

Еще накануне мы с художником удивлялись бойкой торговле на бульварах бумажными перископами. Теперь в густой толпе по обе стороны центральной аллеи Елисейских полей поднятые над головами перископы позволяли людям разглядеть и негнувшийся строй потомков наполеоновских гренадеров, и внушающие ужас черные лица сенегальских солдат, и сурово сведенные брови строгих усатых офицеров, гремевших ненужными в современной войне саблями.

Увидеть все это я мог благодаря прелестной парижаночке, протянувшей мне вынутое из крохотной сумочки зеркальце. Встав спиной к аллее и держа зеркальце в поднятой руке, я мог рассмотреть даже самого генерала де Голя, принимавшего парад. Длинное лицо и высокое генеральское “кепи” увеличивали его и без того завидный рост.

Расплатился я с доброй феей в очаровательном шуршащем платье, посадив ее, к обоюдному удовольствию, себе на плечо.

Нам не хватало сумрачно красивого всадника на белом коне. Непокорная прядь волос выбивалась бы из-под его треугольной шляпы на высокий лоб.

Не сойдя с моего плеча и никого этим не удивив, фея направила нас в Пантеон, где мы увидели крышку гроба никем не понятого Наполеона, Великого Героя его прекрасной Франции.

“ В двенадцать часов по ночам из гроба встает император...”

4. Пассажиры “Победы”

*Хотят все знать и все увидеть,
В том помогать им будут гиды.*

Спустя тринадцать лет после Победы над Гитлером теплоход “Победа”, плывя вокруг Европы, доставил меня снова в Париж.

У туристов было три дня для знакомства с прекрасным городом.

Моей подопечной группе повезло. Меня отыскал мой шахматный друг, парижский этюдист Виталий Гальберштадт. Он ежегодно встречался со мной, вице-президентом Постоянной комиссии по шахматной композиции ФИДЕ, на ее конгрессах в какой-либо из стран.

Виталия ребенком вывезли из Прибалтики. В семье говорили по-русски, в гимназии по-немецки, а в Сорбонне по-французски. Женился он на одной из трех русских сестер, был юрисконсультom их фирмы, имевшей с нами дела, и во время Московского конгресса они побывали у меня, увеличив мой интерес к Парижу.

И теперь, конечно, снова Лувр.

Венеру Милосскую, увы, после ее заботливого пребывания в бомбоубежище, поставили в общем зале. И без бархатного фона она проигрывала.

Гальберштадт показал нашим туристам и другие впечатляющие достопримечательности Парижа, а мне - знаменитое шахматное кафе, где посетители пили кофе, играли в шахматы, и на крупные ставки.

— Я не советую вам играть в кафе, — предупреждал меня Виталий. — Я оставил здесь в молодости немало отцовских денег. Проиграют пару партий для заманивания и ограбят, как апаши под мостом.

Я улыбнулся, вспомнив своих “знакомцев из-под моста” и послушал Виталия, и лишь взглянул, как здесь лихо играют, да и ждали меня в другом месте, куда Виталий взялся проводить, вздыхая:

— Что делать! В Париже любят заключать пари.

5. Паспорта

*Паспортина красная желанна,
Как Орден был “На шее Анна”.*

Кафе с зеркальной стеной, удваивающей помещение и число посетителей, куда по моей просьбе привел меня Виталий, было тем самым, где столовались мы, туристы с “Победы”. Многие из них уже сидели на своих местах. Столиками, по примеру других парижских кафе, были вынесены на тротуар. Мы с Виталием заняли один из них.

Руководители “Юманите”, очевидно, знали, где легче всего найти автора публикуемого ими с продолжением романа “Иль де фе”.

Мы пришли несколько раньше назначенного времени и заказали кувшин яблочного сидра.

Рослый человек, с кавалергардской выправкой и старомодными усами и баками, обходил русских туристов, о чем-то спрашивая. Те кивали в нашу с Гальберштадтом сторону. Я подумал, что он ищет хорошего переводчика, каким был Виталий, но ему был нужен я, принятый им за влиятельное лицо. А я был всего лишь “старостой” небольшой группы, выбранный туристами для заботы о них.

— Прошу простить, господа, — щелкнул подошедший каблуками, — что я обращаюсь к вам по-русски, хотя один из вас француз. — И он посмотрел на Виталия.

— Такой же, как вы, приезжий.

— Беспаспортный?

— Нет, почему же? С нормальным паспортом парижанина.

— Тогда позвольте представиться соотечественнику, — и он, усевшись на свободный стул, повернулся ко мне. - Фамилия бывшего кавалериста вам ничего не скажет, поэтому важнее, что я имею честь быть Главным редактором газеты покойного Гучкова, которого, льщу себя надеждой, вы знаете?

— Еще бы! Самый яростный антисоветский листок монархиста Гучкова.

— Осмелюсь заметить, что еще при Гучкове газета изменила свое направление, сочувствуя Родине, отражавшей германское нашествие. И потому я с особым чувством приветствую соотечественников в счастливейший для нас, изгнанников, день получения нами советских паспортов. Отныне мы ваши граждане, находящиеся за границей и могущие вернуться домой с получением визы. Хотелось бы услышать ваше мнение как это можно ускорить.

— Поехать в Москву на шахматный Конгресс или турнир, — не без иронии заметил Гальберштадт.

— Увы! Но я никогда не играл в шахматы...

— И много потеряли.

— Если бы вы знали, как много мы с сыном потеряли, — обернулся он к сопровождавшему его склонному к полноте курносому пареньку. - Начиная с княжеского титула и кончая полдюжины имений.

— С полутора тысячами душ, — вставил Гальберштадт.

— Они давно уже получили волю, а я еще мечтаю получить ее на Руси.

6. Легендарный Сирано

*Как дуэлянт - непобедим.
Как вольнодумец - нетерпим.*

Три человека с извинениями пробирались между столиками, явно направляясь к нам.

Видимо, узнав издателя "Юманите" товарища Фажона и его Главного редактора товарища Анри Стиля с молодым человеком в очках с тонкими ободками, наш собеседник заторопился и вскочил с места:

— Честь имею! Надеюсь на содействие. Привет Белокаменной, — и четко повернувшись на каблуках, удалился, уводя своего курносого отпрыска, наверняка уверенный, что говорил с тем, с кем надо, раз тот общается с первыми коммунистами Франции.

Пришедшие поздоровались с нами и, взяв еще один стул от соседей, уселись за наш столик.

— Итак, дорогой автор "Иль де фе", — объявил Фажон, достав из портфеля бутылку шампанского и мигнув официанту, - выпьем за ваш роман, публикуемый в нашей газете фельетонами, как привык так печататься сам Александр Дюма-отец!

Сразу два переводчика Виталий и молодой спутник руководителей "Юманите" перевели мне по-русски слова француза.

— Это вместо гонорара, — тихо добавил Виталий.

— Я горжусь этим! — воскликнул я, разумеется, ни на какой гонорар за свой "Пылающий остров" в "Юманите" не претендуя.

— Спасибо Мишелю, — сказал Анри Стил, наполняя появившиеся бокалы. - Это он раскопал и перевел ваш роман, а мы сочли его "политическим оружием".

Никогда не пьющий, я не счел возможным отказаться, и даже сам предложил второй тост:

— За Париж!

— За социалистический Париж, — поправил Фажон.

— О, дорогой товарищ писатель, вы еще не знаете Париж, историю Франции, ее великих людей. Не полководцев, устилавших трупами Евро-

пу, а ее художников, поэтов, музыкантов, вольнодумцев и даже непревзойденных дуэлянтов. Великую теорему нашего гениального математика Пьера Ферма ученые всего мира не могут доказать столетиями, а государственные деятели не решаются принять его предложение заменить войны кровавые, войной математических умов.

— Или шахматных, — вставил я, и Виталий с видимым удовольствием перевел мои слова.

— Или шахматной дуэлью, — согласился французский писатель. — Уверен, что первый дуэлянт Парижа Сирано де Бержерак согласился бы с вами. Был он человеком непостижимой ловкости и отваги, и доказал это, сражаясь один против ста вооруженных противников. Он отказался от своей победоносной шпаги во имя идей Кампанеллы и своих саркастических трактатов, где высмеивал современность и удивительно точно предсказывал достижения нашего далекого для него времени.

— Но ведь ваш поэт Ростан представил Сирано бескорыстным романтиком, сочинявшем пламенные стихи своей возлюбленной, отступившись от нее из-за своего безобразного носа, а свой взлет поэтической души приписал бездарному красавчику.

— Не был таким слюнтяем Сирано! — вспыхнул Анри Стил. — И я представлю вам тому доказательство.

И он протянул мне через стол измятый газетный листок.

Он назывался "СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК".

— Это фронтовая газета бойцов Сопротивления, издавалась в маки во время гитлеровской оккупации Франции. Так неужели вы думаете, что отец Мишеля, бывший там вместе с ним, погиб под знаменем не героя, а слюнтяя. Мишель хоронил отца вместе с русским офицером, обучившим мальчика своему языку.

— Значит, Сирано был поистине героем и даже участником будущего Сопротивления!

— Вот, вот! — подхватил Анри Стил. — Я хотел бы вслед за "Иль де фе" напечатать роман о Пылающем человеке - Сирано де Бержераке, восстановив его доброе имя смельчака-шпажиста и мечтателя. И мы снова встретимся с вами здесь, среди поэтов и дуэлянтов...

— В Париже! — закончил я пылкую речь француза, так увлекшего меня, что я пообещал своим новым друзьям написать такой роман.

7. Угрозы

*Грозят компьютерные черти
Игре, их породившей, смертью.*

Двадцать лет мне понадобилось, чтобы попасть в Париж с выполненным обещанием - трилогией "Клокочущая пустота" о великом математике Пьере Ферма и о Сирано де Бержераке, достойном бойцов из маки.

В преклонном своем возрасте из былых друзей я встретил лишь переводчика "Иль де фе" в шахматном кафе, куда печально забрел и где он узнал меня, предостерегая от кофейных нравов.

— Пардон, мсье. Ваш собеседник, нагло мешает нам завершить сделку, обзывая меня на родном мне языке "разбойником шахмат", за что в былые времена вызывали на дуэль, — седой курносый толстяк яростно напал на моего бывшего переводчика, пытавшегося защитить меня.

— Полно, князек, — миролюбиво обратился к нему мой защитник, протирая очки в тонкой оправе и щурясь. — Я не сразу узнал вас. Вы прежде торговали и не играли в кофейные шахматы.

— Я и теперь не играю, но торгую. Да, да! Торгую здесь, в кафе.

— Но я понял, что вы предложили мсье пари или игру на ставку?

— Один к десяти, но с правом пользоваться моим блокнотом.

— Шахматным компьютером, хотите вы сказать?

— "Чессмастер - 3000".

— А разве это не разбой за шахматной доской?

— Ничуть. Я лишь хотел продемонстрировать возможности "Чессмастер - 3000" господину вице-президенту ФИДЕ.

— Только одной из его комиссий - поправил я.

— Все равно. Шахматы ждет компьютерная смерть. Компьютер выигрывает у чемпиона мира Гарри Каспарова. Наша фирма приобрела право рекламы в этом кафе. Его посетители, убедившись в силе моего блокнота, проиграв ему, захотят его приобрести для анализа отложенных пар-

тий, как консультанта при игре по переписке, как дебютный справочник, как непревзойденного аналитика любой позиции.

8. Необыкновенная дуэль

*Разделаюсь я на дуэли с вами быстро.
Пусть будет вашим первый выстрел.*

— Так вы согласны сыграть со мной на ставку в память покойного отца, так и не побывавшего ни в одном из своих бывших имений?

— Сыграть согласен, но не с вами, а с вашим “Чессмастером”. Условия таковы: начальная позиция задается мной, и “Чессмастер” не сможет ее выиграть. Вторую партию с той же позиции играю я и выигрываю пари. По рукам?

— Это не пари, мсье, а ДУЭЛЬ.

— Пусть так. Первый выстрел за вами.

— Если дуэль с компьютером, нужны секунданты. Они зафиксируют неизбежную победу “Чессмастера”. Нет лучшего аналитика любой позиции, чем он, — горячился раскрасневшийся князек. — Это будет лучшей рекламой искусственного интеллекта! — пытался успокоить он сам себя.

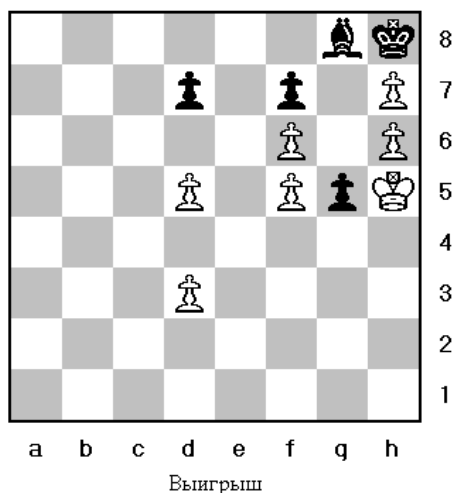
Второй секундант нашелся из числа завсегдатаев, столпившихся вокруг выбранного ими столика, вытасченного на эстраду, где вечерами играли оркестранты. Откуда-то появилась демонстрационная доска,

очевидно, имевшаяся на случай сенсационной партии. На столике оказались и шахматные часы.

Я расставил позицию своего последнего этюда, который никто не знал. Он тотчас появился на демонстрационной доске. (Диаграмма 1).

Кафе переполнилось любопытными, неведомо как узнавших о необыкновенной дуэли. Примчались, не без участия Мишеля, и

А.П.Казанцев, 1998 г.

вездесущие репортеры.

Князек раскрыл свой электронный блокнот размером в половину “дипломата”.

Как взведенный курок дуэльного пистолета прозвучал щелчок пушенных в ход шахматных часов. “Чессмастер” приступил к анализу позиции. Напрягся его искусственный мозг.

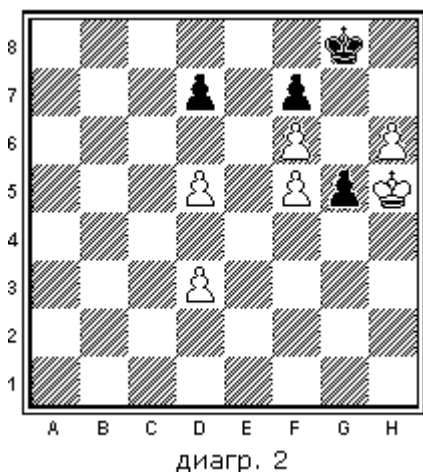
9. Первый выстрел

*Не промахнись, стреляя первым.
Ждать пули непосильно нервам.*

Пять минут потребовалось компьютеру, чтобы взять белой пешкой черного слона — **1. h : g8=Ф+.**

— Правильно! - воскликнул князек. — Мудрый “Чессмастер” сводит игру к пешечному окончанию, в анализе которых он сам бог, брат богини шахмат Каиссы!

Я ответил единственным ходом — **1... Кр : g8** (диагр.2). Компьютер задумался. Предстояло выбрать весь план игры.

— Он ищет выигрыш темпа. В этом главное, — поучающе комментировал курносый владелец электронного чуда.

В кафе повисла тишина. Перестали бегать официанты. Только буфетчик звякал бокалами за своей стойкой.

“Чессмастер” к восторгу сразу зашумевшей публики не взял черной пешки королем, а встал перед нею — **2. Kpg4**

- Учитесь, господа, как выигрывается темп? Если черный король подойдет к белой пешке, то после взятия черной пешки вынужден будет отступить.

Я сам сыграл на выигрыш темпа — **2... Kph8**, но он жертвой пешки заставил меня встать-таки на h7 — **3. h7! d6 4. Kph5 g4 5. Кр : g4 Кр 6 h7 6. Kpg5**

Завсегдатаи шахматного кафе наградили компьютер аплодисментами. Темп был выигран. Моему королю пришлось отступить — **6... Kph8 7. Kpf4**, устремляясь к желанной пешке d6, но **7... Kph7** охладил пыл “Чессмастера”, сумевшего рассчитать пагубность дальнейшего путешествия к незащищенной черной пешке (8. Kpe4? Kph6 9. Kpd4 Kpg5 10. Kpc4 Kp : f5 11. Kpb5 Kp : f6 12. Kpc6 Kpe7! и черные выиграют), и пришлось компьютеру вернуться для защиты своих пешек f - **8. Kpg5 Kph8 9. Kph6 Kpg8 10. Kpg5 Kh7** с повторением ходов - ничья!

— Компьютер не выиграл. Первый выстрел - промах, — возвестил мой секундант Мишель.

— “Чессмастер” не промахнулся, а доказал, что в этой позиции выигрыша нет, — запротестовал князь-торговец.

— Для второго выстрела противники меняются цветами фигур.

На демонстрационной доске возникла первоначальная позиция этюда. Дело было за мной.

10. Выстрел второй и последний

*В дуэли выстрел мой последний.
В игре какой был ход последний?*

Не было в этом кафе никого, кто не нервничал, кроме двоих - компьютера, у которого не было нервов, и меня, который наперед знал, что произойдет, составив предложенный этюд.

Без колебаний сделал я давно мне известный ход — 1. fg!, взяв черную пешку g5 н_проходе. В этом парадоксе и был лукавый замысел этюда!

— Протестую! — не своим голосом завопил князек. — Сделан неправильный ход, “ан пассан” возможен лишь сразу после движения пешки на два поля!

— Почему же неправильный? Ведь последний ход черных был пешкой g7-g5.

— Откуда вы это знаете? Вы - провидец? Может быть ходила совсем другая фигура?

— Какая?

Почтенный "Чессмастер" глубокомысленно молчал, не делая ответного хода и не задавая письменный вопрос партнеру.

— Ну, как какая? Любой другой фигурой можно было сходить!

Я попросил секундантов, одновременно бывших и арбитрами игры проверить могла ли какая-нибудь из пешек, кроме g, сделать ход? Все они стоят на своих первоначальных полях, а назад не ходят!

Секунданты согласились, а Мишель, протирая очки, добавил:

— Слон не мог перед последним ходом находиться ни на c7, где стояла черная пешка, ни на h7, занятом белой пешкой.

— А король, король? Он мог отойти от шаха с g7, - спорил князек.

— Не мог, — возразил Мишель. — Оно бито дважды. Так что осталась одна несчастная ваша пешка g.

— Она не обязательно шла с g7, чтобы попасть под "ан пассан".

— При ее положении на g6 белый король оказался бы под шахом и должен был бы уйти, а он стоит на месте. Так что взятие на проходе закономерно, - закончил Мишель.

Другой секундант молчаливо, но согласно кивнул.

Но зрители и репортеры шумели и тиканья часов не было слышно, а они шли.

Забитый в угол толстяк сделал последнюю отчаянную попытку спасти положение:

— Я заявляю протест! Компьютер не обязан разыгрывать заданное положение фигур в обратном направлении. Он получает нормальную шахматную позицию и убедительно доказывает ее ничейность.

— Упуская при этом возможность взять пешку на проходе и выиграть, — заметил я.

Компьютер, словно поняв смысл разгоревшейся дискуссии или просчитав все сам, неожиданно для всех сделал ход, признавая тем законность взятия своей пешки g — **1... f : g6+ 2. Кр : g6**, (он вычислил в своих электронных недрах, что 2... С : h7+ 3. Кpf7 Cg8+ 4. Кpe7 С : d5 5. f7 С : f7 6.

Кр : f7 ведет к победе белых. Пешка d3 неудержима!). Играя, как и я, в молниеносном темпе, он решился на “психологический трюк шахматных кофеен” — **2... С : d5 3. f7 Ce4+ 4. d : e4 d5!** (если сгоряча я сыграл бы — 5. de, то черным пат, но меня хватило на хладнокровное - **5. f8=Φ+** МАТ!

Дуэль закончена. Компьютер повержен на этот раз.

— Ах, эти сукины дети инженеры-программисты! Черт бы их побрал! Голову оторвать их консультантам-гроссмейстерам, не могли ее повернуть - назад посмотреть. А какие деньги загребли!

— Значит, не компьютер виноват в проигрыше дуэли, а люди! — уточнил я.

— Конечно, — сердито согласился провозвестник шахматной смерти.

— Значит, искусственный интеллект — это собранный воедино коллективный, человеческий? Нечто вроде энциклопедического словаря, открывающегося на нужной странице, который не убивает знания, не задерживает развитие его отраслей, а поможет их росту. Все войдет в новое издание Словаря. Или очередную модель компьютера.

— Ну да, пусть так, — готов был согласиться вспотевший от напряжения толстяк. — Но у меня нет с собой тысячи франков. Я отдам вам, как отдавал отец карточные долги. Не одно имение спустил.

— Дуэли ведутся не на ставку, — заявил я. — Я требую исключить из вашей рекламы всякое упоминание о смерти шахмат. Поставляйте шахматистам помощников, помогающих им подняться до уровня коллективного интеллекта. Ими созданы и подъемные краны, не помешавшие тяжелой атлетике, а так же автомобили, на которых приезжают на стадионы бегуны на дальние и короткие дистанции...

— Я готов говорить все это. Покупателей будет больше! Но вот если меня спросят: нельзя ли платы “Чессмастера” зашить в подкладку пиджака чемпионов, борющихся за немалый приз?

— Очень просто! — вмешался Мишель. — Игроки будут садиться за столик в черном и белом по цвету их фигур пиджаках, полученных у арбитра.

Дружный хохот прокатился по столикам. Парижане веселый народ. Вместо кофе заказывали вина и комплекты шахмат для новых партий.

Мы с Мишелем шли по бульварам. Пахло каштанами. Светила луна. Парижанки улыбались.

— А что если вам написать об этом. Все как было. Я бы перевел.

Вот я и выполняю это парижское пожелание.